

ТРЕБУЮТ ОТВЕТОВ

Лит., газ., 1983, 8 июля, № 23

ИНТЕРЕСНЫХ пьес много, что ни говори. И они разные. Тому порукой успех альманаха «Современная драматургия». Талантливые писатели работают сегодня для нашего театра. Однако дело не только в темах, которые выбирает драматург, и не в рубриках, которые предлагает критик. Дело еще и в другом. В таких трудно порой объяснимых словами и между тем реально осязаемых понятиях, как ракурс изображения, точка зрения, наконец, позиция художника.

Парадоксальная ситуация возникла сегодня. С одной стороны, много, интересно, разнообразно пишут наши драматурги. Активность, энергия процесса здесь налицо. С другой — читая пьесы одну за другой, восхищаясь отдельными произведениями и всем потоком в целом, все же ловлю себя на странном ощущении, будто мы сегодня в нашей драматургии чуть-чуть присели отдохнуть у дороги. Действительно, некая внутренняя размытость, рассеянность и созерцательность писательского взгляда ошарашивает и сбивает с толку.

Ведь в чем, по-моему, отличительная черта нашего времени? В том, что эра наша называется космической, что эпоха наша — это эпоха НТР, что живем мы в атомный век? Бесспорно, и в этом. Но и в другом. В том, что крупные социальные, политические, экологические проблемы, проблемы войны и мира, жизни и смерти в их глобальном для всей планеты значении перестали быть уделом лишь ограниченной группы людей, будь то философы, общественные деятели, ученые или художники. Эти проблемы в буквальном смысле выплеснулись сегодня на улицы. Вопросы, веками считавшиеся привилегией государственных умов, сегодня занимают миллионы.

Попробуйте вспомнить, дорогой читатель, из чего складывается ваш обычный, будничнейший день. Из повседневных хлопот — безусловно. Из мелких бытовых радостей и печалей — не сомневаюсь. Из профессиональных вопросов и задач, из личных, у каждого своих, потребностей. Все так. Но вот вы встали утром, пьете на кухне чай, обсуждаете с близкими дела семейные. И в то же время не забыли включить радио. «Последние известия». Торопитесь к почтовому ящику за газетой. Вечером смотрите программу «Время». Вам не безразлично, что происходит в мире: и вас интересует, как дела в промышленности и сельском хозяйстве; и вы спорите о книгах, фильмах, спектаклях. Все это есть в вашей повседневной, будничнейшей жизни.

А возьмешь пьесу или киносценарий нашумевшей картины — там все отношения ограничены узким кругом, драмами одиночества, семейными неурядицами. Нельзя сказать, что подобные вещи — лишь плод чьего-то большого воображения. Конечно, нет. И это есть действительно. Но именно — «и это». Как

часть чего-то неизмеримо большего, где место есть всему: тревоге о судьбах мира, беспокойству о том, что сегодня часто разбазариваются наши трудовые ресурсы и мы порой плохо работаем. Здесь не лозунги, здесь сама жизнь. И извлекать личные, глубоко интимные переживания человека из всей этой сложнейшей системы социальных связей — значит идти против жизни.

Многие современные драмы, блистательно, к слову сказать, написанные, суть образец той узкой специализации и «зацикленности» на каком-то одном, известном автору участке жизни. Не случайно драматургии сегодня так легко расчленять на рубрики, участки, квадраты и т. д.

Попробуйте Чехова таким образом препарировать — не выйдет. Ибо его герои и чай пьют, и от одиночества страдают, и усадьбы спускают, и даже стреляют в себя порой. Но при том и о будущем мечтают, высокие помыслы хранят. И в этом есть та высшая, художественная правда, та философия, та мудрость, та гармония, которой ждешь от искусства. В искусстве необходимо именно связующее начало. Оно — не частность, оно — целостность.

Конечно, солнце отражается и в капле воды. И в пьесах «новой волны» можно разглядеть некие общие проблемы человеческого бытия, которые волнуют всех. Но для этого, на мой взгляд, надо обладать пронзительностью такого критика, как Л. Аннинский с его аналитической зоркостью, его умением додумать и досказать, чего далеко не всегда можно требовать от зрителя, пришедшего в театр.

Вспоминаю свои давние актерские работы: Ведерникова в пьесе А. Арбузова «Годы странствий», зоринского Платова в «Друзьях и годах», Устищенко, героя трилогии Ю. Германа. В них ведь была та широта, тот кругозор, о котором я тоскую. Со всеми их личными неурядицами, со всеми их производственными тревожениями, эти герои, я бы сказал, имели выход в пространство, выходили на орбиту социального осмысления мира, о чем не стеснялись говорить открыто. Вспомните: «Куда уходят дни, сержант?» — сам по себе такой вопрос, заданный в «Годах странствий», уже говорил о многом.

Твердое разграничение понятий добра и зла, четкая нравственная позиция художника, о чем, кстати, в дискуссии писала Н. Велехова, мне представляется сегодня первостепенным.

Не хватает мне как-то этой четкости. Не хватает подлинного героя — человека, с характером которого связано поступательное движение общества вперед.

Сказать, что такого героя нет в жизни, значит сказать неправду. Я знаю этот

тип людей. Знаю рабочего Е. Артемьева, генерального директора «Электросилы» Б. Фомина, крупного промышленного руководителя В. Першина. Знаю сотни людей, облик которых ни в малой степени не отражен в нашей драматургии. И вот почему, находя характеры таких людей в прозе, мы обращаемся к инсценировкам, которые несовершенны, но в какой-то мере удовлетворяют нашу тягу к идеалу.

А ведь ане фигуры героя, смело отстаивающего правоту добра, все наши разговоры о недостатках, о бездуховности, мещанстве, эгоизме недорогого стоят. Ибо искусство не только призвано «ставить» вопросы, но и отвечать на них. Вот как раз на днях в наш театр пришло письмо от одного вполне зрелого человека, который прямо и обратился к нам: «Объясните, как дальше жить». И действительно, в градусах русской культуры всегда было это. Было умение мыслить перспективно.

Вполне согласен с мнением И. Вишневецкой о том, что «хлопа что лучшие молодые наши пьесы сильны своими антигероями». Что ж, в русской культуре, в русской литературе особенно, всегда была сильна сатирическая, обличительная струя. Это Крылов и Фонвизин, это Грибоедов и Гоголь, Островский, даже Чехов, писавший, по его собственному утверждению, комедии. Но при всей сатиричности взгляда, бичующей ноте, у каждого из них тем не менее был свой реальный идеал. То, во что они верили, чему поклонялись. У Грибоедова это правдоискательство Чацкого, у Островского, который уж так обличал мещан и обывателей, это все-таки «горячее сердце». А у Толстого — свет, который, по его выражению, и во тьме светит. Это реальный, конкретный идеал, ве-

ра. Потому они и могли говорить о зле, потому что знали, куда ведут, к чему в конечном счете тянутся сами и призывают зрителей. И вот здесь, как мне кажется, и есть та высшая смелость русского искусства, которая никогда не позволяла ему оставаться на уровне факта. В этом и состоит наша каждодневная профессиональная задача, неотделимая в конечном счете от общегосударственной, мировоззренческой, политической.

Здесь уместно вспомнить и слова Достоевского об указующем персте художника, страстно поднят. И чеховское письмо Суворину о целеустремленности русской классической литературы, о сознании цели у художника, об умении вести за собой. И опять толстовское. «Что для поэзии нужны крайности добра и крайности зла. Что без этого нет поэзии» и что художнику «надо всеми силами стремиться к добру».

Как стремиться, как это выразить? В поэзии, в прозе возможен лирический голос автора. А в драме нужен герой. Скажу больше — положительный герой. Тот, что противопоставит нравственной инерции, апатии, равнодушию. В этой связи мне хотелось бы сказать о том, как важно увидеть на сцене подлинно национальный характер.

В пьесах драматургов из братских республик (назову лишь некоторые имена наугад — М. и Р. Ибрагимбековы, М. Карим, И. Друцэ) сказано, как национальный характер развивается в современных условиях, что из прошлого переходит в будущее, а что безвозвратно исчезает. И у Астафьева, Белова, Распутина, Софронова мы находим пленительность именно русского характера с его широтой, бескомпромиссностью. Но в новой драматургии проблема национального своеобразия подчас оастворяется...

Проблемы драматургии — наши общие проблемы. Проблемы всего искусства, проблемы театра в том числе, истинное назначение которого, по словам замечательного актера Ю. М. Юрьева, «давать обществу такие устои, на основе которых могли бы вырасти лучшие его стремления». Вот о чем думаешь, читая новые пьесы.